

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Иллюстрация: Александра Фельдблюм

Соня чувствовала себя очень несчастной! Мама и папа отправились отдыхать и не вспоминали о ней! Что с того, что они звонили по пять раз на дню?! Если бы Соня была им нужна, они взяли б её с собой! И бабушка только прикидывается, что в Соне души не чаёт! Если бы она и впрямь думала о Соне, то не забыла бы включить ночник! Соня всегда спит при свете, и бабушке это известно! А, раз она не вспомнила о такой важной вещи, значит ей дела нет до Сони! Никому до неё нет дела! Соне стало очень жалко себя, и, проплакав долго-предолго, она уснула в слезах.

А проснулась в ночном лесу. В нём росли цветы, как в мамином саду, только гораздо большего размера. Между листьями и стеблями цветов сновали светлячки, освещая Соне путь. Впереди брезжил огонёк, непохожий на светлячка, потому что он оставался на месте, и девочка пошла к нему. Приблизившись, Соня увидела маленькую полянку, на которой горел маленький костерок, возле которого собралась маленькая компания маленьких существ.

Существо, что сидело на камне и подкидывало в костерок сухие сосновые иглы, напоминало Жёлудь. Рядом с ним расположилось нечто, похожее по форме на гриб-сморчок, но сплошь состоявшее из розовых шевелящихся отростков. Пучеглазое

большеротое существо можно было принять за лягушку, если бы не множество бородавок. Напротив Пучеглазого расположилась округлая Рыба, хотя непонятно было, что ей понадобилось на суше, тем более рядом с костром. Чуть поодаль пристроился Кролик — упитанный, но подозрительный. Кролик нервно поводит то ушами, то усами, давая понять окружающим, что ни капельки им не доверяет, но его не застанут врасплох. Дальше всех от костра на пне нахохлился Филин, зачем-то нахлобучивший на голову пробковый шлем. Остальные существа были настолько мелкими, что Соня их не опознала.

— Здравствуйте, — вежливо поприветствовала собравшихся девочка.

Существа обернулись к ней.

— И вам того же, барышня, — откликнулось розовое существо из отростков. — Вы действительно несчастны?

Видя, что вопрос вызвал у девочки затруднения, Жёлудь пояснил:

— Профессор имеет в виду, хотите ли вы присоединиться к нашему кругу товарищей по несчастью?

Соня не была уверена в своём желании присоединиться к их кругу и честно сказала:

— Пока не знаю. Это зависит от вашего несчастья.

— Во все нет, — возразил розовый Профессор. — Это зависит от *вашего* несчастья. Мы-то в своих уверены.

Компания у костра и впрямь выглядела удручённой.

— Тогда, может быть, вы поделитесь ими, — предложила Соня.

— Для этого мы здесь и собрались, — сказал Жёлудь. — Чтобы каждый поделился своим несчастьем...

— Вы думаете, что от этого станете счастливее? — спросила Соня.

Существа зашумели, давая понять, что оскорблены.

— Простите, я никого не хотела обидеть, — растерялась девочка.

— Несчастьями делятся для того, чтобы убедиться в их подлинности, а не затем, чтобы стать счастливее, — озвучил всеобщее негодование Жёлудь. — На первый раз вы прощены, но впредь не проявляйте подобной бестактности.

— Пожалуй, я начну, — вызвался Профессор. — Послушайте, и убедитесь в действительности...

— Нет-нет, так нельзя! — поспешно остановил его Жёлудь. — Иначе у нас будет не собрание, а неразбериха. Сначала нужно избрать Председателя, который будет предоставлять слово. Предлагаю себя. Голосуем!

Существа проголосовали единогласно, за исключением Рыбы, у которой не было голоса.

— Слово предоставляется Профессору Лишайнику, — торжественно возгласил Председатель Жёлудь. — Слушаем вас.

— Начну с классификации несчастий, поскольку среди нас дилетанты. — Профессор Лишайник помахал на Соню розовыми отростками. — Несчастья бывают простыми и сложными, которые можно разложить на несколько или даже много простых несчастий.

Рациональными и иррациональными. В совокупности они составляют действительные несчастья. Ещё несчастья бывают мнимыми и в совокупности с действительными составляют комплексные несчастья.

— Простите, — как можно вежливее прервала его Соня. — Я не совсем поняла вашу мысль. Не могли бы вы объяснить...

— Не мог бы, — с достоинством ответил Лишайник. — Это не моя мысль. У меня вообще нет собственных мыслей, поскольку отсутствует мозг.

— Но вы же Профессор... — растерялась девочка.

— За выслугу лет. Мне их уже три тысячи. Кто-нибудь из вас может похвастаться подобным возрастом?

Никто не похвастался. Особенно Соня, которой недавно исполнилось шесть.

— К тому же я принадлежу к избранному народу, — гордо добавил Профессор.

— А кто избрал ваш народ? — не удержалась девочка.

— Избранный народ избирает себя сам. По ряду признаков. Признаки бывают простыми и сложными, рациональными и иррациональными...

— Поскольку и эта мысль не ваша, Профессор, — перебил его Филин, — можете её не развивать. Каждый из нас хочет поделиться своим несчастьем, но, если вы будете пересказывать все чужие мысли, услышанные за три тысячи лет, до нас очередь не дойдёт.

— Я могу вообще замолчать, как рыба, — оскорбился Профессор.

— Ну, что вы, продолжайте, — великодушно разрешил Председатель.

— Моему народу уже 450 миллионов лет, — чванливо продолжал Профессор. — Кто-нибудь из вас может похвастаться принадлежностью к подобному народу?

Рыба открыла и закрыла рот. Но, поскольку голоса не имела, собравшиеся не поняли, что она хотела этим сказать.

— А к какому избранному народу вы принадлежите? — не утерпела Соня.

Профессор с удивлением пошевелил розовыми отростками:

— То есть как к какому? Вы что, не слышали?! К лишайникам!

— Я думала это фамилия... — оробела Соня.

— Профессор, ближе к делу, — заметило Пучеглазое Бородавчатое существо. — Излагайте суть вашего несчастья. Мы здесь не для того, чтобы хвастаться своими корнями.

— У лишайников нет корней! — возмущился Профессор.

— У нас, жаб, корней тоже нет. Я выразился образно.

— Держите свою образность при себе, — раздражённо посоветовал Лишайник. — В моём возрасте всё понимают буквально. Лишайники — самые древние существа в этом мире. Мы господствовали на земле...

— Не надо про избранный народ! Поделитесь своим несчастьем или я передам слово другому, — предупредил Председатель Жёлудь.

Розовые отростки Профессора побагровели от злости из-за того, что его всё время прерывают.

— Ах, вы не хотите слушать?! Ну, так я буду краток. Во всём виноваты мхи!

— В чём виноваты мхи? — удивилось собрание.

— Во всём! Лишайники господствовали на планете 150 миллионов лет, а потом появились мхи. Выскочки, возомнившие себя высшими растениями. Мхи стали захватывать нашу территорию и выживать нас с исконных земель. Они относятся к нам свысока! Мы, видите ли, примитивнее их! У самих тоже, между прочим, нет ни корней, ни мозгов!

— Вы примитивнее не только мхов, но и всех нас, Лишайник, — язвительно заметил Кролик.

— Да какое мне дело до вас? — окончательно распалился Профессор. — Вы для меня — мухи однодневки. Сегодня вы есть, завтра нет! Помните динозавров? Хотя, откуда вам помнить! Мы старше динозавров на 250 миллионов лет! И где сейчас динозавры, а где мы? Так что вы мне не конкуренты! А вот мхи — конкуренты!

Чутко уловив общий настрой, председательствующий Жёлудь поспешил взять бразды правления в свои руки-веточки:

— Предлагаю считать, что Профессор поделился несчастьем и передаю слово другому товарищу. Поскольку мы остановились на конкуренции, предлагаю передать слово мне. Ибо мне есть что сказать по этому поводу! Голосуем одновременно по обоим предложениям.

Существа проголосовали единогласно, за исключением Рыбы, не имевшей голоса, и Сони, которая сочла, что невежливо прерывать такое старое существо. Но Рыба и Соня оказались в меньшинстве. Жёлудь встал, заломил тонкие ручки и горько воскликнул:

— Я страшно подавлен!

— По-моему, вы целёхоньки, — возразил обиженный Лишайник.

— Жёлудь выразился образно, — ухнул Филин. — Пусть у вас нет корней и мозга, но не настолько же вы примитивны, чтобы не чувствовать горечь Жёлудя?!

— Прекратите ко мне цепляться! — взвизгнул Профессор. — Чтобы почувствовать горечь Жёлудя нужны вкусовые рецепторы! Во времена господства моего народа их в помине не было!

— Не только безмозглый, но и бесчувственный, — снова съязвил Кролик.

— Зато в сравнении с вами почти бессмертный, — принял вызов Лишайник.

Однако Председатель-выступающий не допустил склоки:

— Предлагаю считать несчастья безмозглого и бесчувственного существа мнимыми и больше не обращать на Профессора внимания. Кто за?

Вся компания согласилась, даже Соне и Рыбе нечего было возразить. Завладев публикой, Жёлудь трагически продолжал:

— Товарищи, знакомо ли вам врождённое чувство будущего достоинства?

Никто не сознался в знакомстве, поскольку не понял, что это за чувство.

— Я так и знал! — с ещё большей подавленностью воскликнул Жёлудь. — У вас нет амбиций!

— Чего нет? — не поняла Соня.

— Чувства грядущего величия. Желания занять достойное место под солнцем!

— Может, под солнцем и нет, а под луной так вполне, — ухнул Филин.

— Вы понятия не имеете об амбициях! Вы все — маленькие существа, рождённые от маленьких существ. Как говорится, жёлудь от дуба недалеко падает. А ваши отцы были такими же маленькими существами, как вы!

— Как клюну тебя сейчас за отца! — выразил общее возмущение Филин.

Даже Соня не удержалась:

— Мой папа совсем не маленький!

Чересчур увлѣкшись выступлением, Жёлудь утратил пронизательность Председателя и стал позволять себе высокомерие:

— Остальные с тобой, возможно, согласятся. Но не я! Кто твой отец в сравнении с вековым дубом-великаном?

— Вековым! — презрительно отозвался Профессор. — Младенческий возраст! Да мой народ...

— Почему растения так кичатся своими предками? — саркастически заметил Кролик.

— Потому что у них нет мозга! — зашѣлся Филин раскатистым смехом.

Жёлудь, в отличие от Лишайника, относился к высшим растениям, поэтому быстро смекнул, что теряет сочувствие аудитории, и изменил линию поведения:

— Я лишь объяснял, что родился с чувством будущего достоинства, потому что являюсь семенем дуба. А дуб — это круто! Каждый мечтает стать дубом!

— Вы за всех не утверждаете! — раздражѣнно возразили ему.

— Извините, я неточно выразился. Я имел в виду, что каждый жёлудь мечтает стать дубом! Я родился с этой мечтой! Видел себя таким же могучим вековым дубом, как мой отец. Представлял, как под сенью моей кроны отдыхают люди и резвятся кролики. В моём дупле гнездится чета филинов. В моих корнях радостно квакают жабы. Моя кора покрыта густым мхом...

Розовые отростки Профессора побледнели:

— Чем покрыта ваша кора?

— Разумеется, лишайником, — спохватился Жёлудь. — Простите за оговорку.

Рыба бросила на него взгляд, полный тихой укоризны, и Жёлудь незамедлительно дополнил мечту:

— А на ветвях сидит Русалка с круглыми рыбьими глазами.

Товарищи по несчастью оттаяли:

— В Жёлуде чувствуется высшее растение!

— Не чета примитивным долгожителям, замшелым в старческом эгоизме!

Побледневшие отростки Лишайника совсем выцвели:

— Что значит «замшелым»?!

Но на него никто не обратил внимания.

— Молодец Жёлудь! Пусть у него нет мозга, зато большая душа! Обо всех позаботился! — одобрительно проквакал Пучеглазый.

— А, по-моему, он популист! — заявил подозрительный Кролик.

— Вы хотели сказать полулист? — предположила Соня.

— Я сказал то, что хотел. Там, где отдыхают люди и гнездятся совы, кролики не резвятся.

— Не опошляйте чужую мечту своим грубым реализмом! — рассердился на Кролика Филин. — Дойдёт до вас очередь, тогда выскажетесь. Продолжайте, Жёлудь. Что подавило вас?

— Я был ещё молод и зелен, но великая мечта и амбиции векового дуба заложены в моих генах, — начал рассказ Жёлудь. — И я поведал о них одному маленькому, хорошо осведомлённому существу. Не могу сказать, кому именно — имена маленьких хорошо осведомлённых существ не принято разглашать. Скажу лишь, что оно грызло отцовский лист, соседствующий с моим черешком. «Знаешь ли ты, сколько сыновей-желудей породил твой отец в этом году?» — спросило хорошо осведомлённое существо, оставив отцовский лист в покое. Повторюсь, я был молод и зелен, поэтому считал себя единственным. И, хотя вопрос существа поколебал мою уверенность, однако я никак не ожидал услышать: «Год выдался урожайным на жёлуди, так что поздравляю: у тебя сто тысяч братьев, которые намереваются стать вековыми дубами. Год назад желудей уродилось втрое меньше, но каждый из прошлогодних желудей, как и ты, намеревался уподобиться своему отцу. И позапрошлогодних тоже. Сто тридцать лет на дубе, чьим семенем ты являешься, появляются жёлуди. В общей сложности у твоего отца родилось около четырёх миллионов сыновей. И каждый мечтал стать похожим на него. Если бы их мечта осуществилась, поблизости росло бы четыре миллиона дубов и дубков. Теперь оглянись. Сколько дубов ты видишь?» На обширной поляне не наблюдалось ни единого дуба, кроме отца. И среди деревьев, окружавших поляну, я не разглядел дубов. «Где же мои старшие братья?» — спросил я. Лучше бы не спрашивал, потому что ответ подавил меня окончательно. «Из четырёх миллионов желудей две тысячи стали молодой дубовой порослью. Из этих двух тысяч четверо дожили до возраста плодоношения. Остальные погибли, потому что их затеняли те, кто сильнее, или их нежную кору обглаживали грызуны. Ну, а жёлуди, не ставшие порослью, сгнили или были сожраны. Зелёные жёлуди склёвывают птицы, зрелые жрут все, кому не лень — белки, олени, кабаны, медведи. Так что, милый мой, у тебя есть один шанс из миллиона, что ты станешь дубом».

Собственный рассказ подавил Жёлудя настолько, что он на время утратил возможность исполнять роль Председателя. У Сони выступили слёзы и, не удержавшись на длинных ресницах, покатались по щекам. Слёзы у Сони появлялись очень легко и просто так, безо всякой причины, но в данном случае она сочувствовала Жёлудю. Остальные существа не обладали столь высокоразвитой нервной системой и были менее чувствительны.

— А молодые дубовые побеги очень даже ничего. — Верхняя губа Кролика мечтательно приподнялась, обнажая острые передние зубы. — Особенно по зиме...

— Как вам не стыдно! — с негодованием воскликнула Соня. — Ведь Жёлудь — ваш товарищ по несчастью!

— Никак не стыдно! И я, между прочим, говорю не о желудях. Я — не какая-нибудь неразборчивая свинья. А в вековые дубы нечего каждому жёлудю метить! Сами столетнюю кору грызите!

— Правильно, нечего, — проворчал Лишайник. — Иначе на земле места не останется ни для кого, кроме дубов.

— У головастика тоже крутая конкуренция, — философски квакнул Пучеглазый. — Не каждому улыбается удача стать жабой.

— Вот что, Жёлудь, — проухал Филин, — либо храните верность своей великой мечте и думайте не о том, что у вас один шанс из миллиона, а о том, что он всё-таки есть. Либо умерьте амбиции. Не хотите сгнить или пойти кому-то на обед, отправляйтесь с барышней. Она вас приклеит к шишке и повесит на новогоднюю ёлку. Будете в этом качестве приносить радость детям. А вы, барышня, не лейте слёзы зря. Пересядьте поближе к Рыбе и увлажняйте её. Возможно Рыба немного взбодрится, а то она совсем снулая.

— Уснулая? — переспросила Соня, послушно пересаживаясь.

— Можно сказать и так, — согласился Филин.

Как назло, Сонины слёзы, нужные для увлажнения уснулой Рыбы, иссякли.

— Да какая разница, спит Рыба или бодрствует? — ехидно заметил Кролик. — Если у неё нет голоса, с ней можно не считаться.

— У меня во время простуды тоже голос пропадал, — вступилась за Рыбу Соня, — но со мной считались!

— А я предлагаю постановить, что не имеющий голоса лишается права голоса, — упорствовал Кролик.

— Какой вы! — возмутилась Соня.

— Не забывайте, товарищи, что мы собрались, чтобы поделиться друг с другом несчастьями. — Жёлудь слегка отошёл от своей глубокой подавленности и поторопился восстановить председательские полномочия, дабы их у него не отняли. — Слово передаётся Рыбе, пока она совсем не уснула. Поскольку Рыбу мы послушать не можем, предлагаю, чтобы её несчастье озвучила барышня, раз у неё тоже пропадал голос. Кто за?

Все, кроме Кролика, согласились с предложением Жёлудя. Соня понятия не имела, в чём несчастье Рыбы, но противный Кролик вызвал её негодование. А выражать негодование Соня умела не хуже, чем плакать. Девочка вскочила, оперев кулачки в бока, и гневно воскликнула:

— Пусть у Рыбы нет голоса, и что с того?! Мы все живём на земле, а Рыба — в воде. Может, у неё нет голоса только на земле, а в воде есть. Я в воде тоже говорить не смогла бы, но это не значит, что меня надо лишать права голоса! Потому что голос у меня есть! Рыбе на земле тяжело, вот она и молчит. Но она же явилась сюда, к вам, чтобы поделиться своим несчастьем. А вы, Кролик, говорите, что с ней можно не считаться! Вас бы засунуть в воду по самые уши, а потом не считаться с вами!

Соня села и заплакала от жалости к Рыбе. Увлажнённая слезами, Рыба благодарно вильнула хвостом. Слушатели заплодировали.

— Браво, барышня! — жутко прохохотал Филин. — Вот уж речь, так речь! Мне теперь Кролика даже слушать не хочется, а хочется вонзить в него когти, клюнуть промеж ушей, донести его до ближайшего пруда или реки и разжать когти как раз над серединой водоёма.

Кролик испуганно отпрыгнул подальше, но Филин не исполнил угрозу, а попросил слова, которое было ему предоставлено.

— Поскольку речь зашла о голосе, то я хочу поделиться своим несчастьем, ибо с голосом оно и связано. То есть, с голосом косвенно, а на самом деле — с любовью... Любовь среди филинов — редкость! Мы — самые независимые и гордые из птиц, даже орлы нам уступают в этом отношении, не говоря уже про всяких горлопанок вроде ворон и сорок. У тех что мозги, что сила — в стайности, мы же надеемся лишь на себя. Я тоже являлся одиночкой и принципиальным противником привязанностей, пока не встретил Её. Она была вся золотистая, в чёрную крапинку, с грудкой, украшенной чарующим орнаментом, с нежнейшими пёрышками на ушках и огромными ярко-жёлтыми глазами, в которых плавали бездонные чёрные зрачки... Мы случайно столкнулись во время охоты, поскольку она жила по-соседству, и в одно мгновение я понял, что завоюю её взаимность, или пропал... Каждую ночь я призывными стонами умолял её о благосклонности, но в ответ доносился лишь смех. Вот такой.

Филин разразился леденящими кровь звуками, и слушатели, включая бескровных Жёлудя и Лишайника, подпрыгнули.

— Она смеялась над моими чувствами! Я не знал, чем её покорить, и решил упираться на своё главное достоинство — голос. Он у меня мощный, слышен в радиусе пяти километров. Однако мне казалось, что далеко не все его возможности мною раскрыты, и я стал учиться. Вы поднимите меня на смех, если узнаете, у кого, но я всё-таки скажу. У соловья!

Никто из слушателей, кроме Кролика, не нашёл в этом ничего смешного. Кролик же насмеялся про себя, а вслух хранил благоразумное молчание. Товарищи по несчастью даже не заметили, что усы Кролика ехидно подёргиваются, поскольку у него всё время что-нибудь подёргивалось. Не усы так уши; не уши так хвостик.

— Я мечтал, что однажды любимая назовёт меня Ночным Соловьём, — продолжал Филин. — Просыпаясь в сумерках, я слушал соловьиные трели, и каждую ночь напролёт упражнялся, пытаясь им подражать. Я был так увлечён, что почти перестал охотиться. От истощения стал облезать, потерял длинные ушные перья. Чтобы меня не спутали с обычной совой, пришлось вот натянуть каску. — Филин постукал крылом по пробковому шлему. — Впрочем, это меня не волновало. Главное, мой вокальный репертуар обогатился настолько, что все лесные жители с нетерпением ожидали ночи, чтобы послушать меня. Правда, одно маленькое, хорошо осведомлённое существо передало мне слухи о каком-то Ночном Разбойнике, чьи вопли наводят ужас на округу. Но филины горды, и я не внял слухам, поскольку ждал знака от своей любимой. Однажды я услышал зов: «Приди, мой Ночной...»

Филин замолчал.

— Кто ночной? — не выдержала Соня.

— В тот момент я не разобрал, — печально отозвался Филин. — Я слышал лишь любовную тоску в её голосе, и бросился на зов. А, когда долетел, увидел...

Филин ссутулился, его крылья обвисли.

— Что вы увидели? — снова прервала затянувшуюся паузу Соня.

— Волчицу.

— Какую ещё волчицу? — напрягся Кролик.

— Серую. Задрал морду к луне, она выла: «Приди, мой Ночной Разбойник!»

— Так это не ваша любимая вас звала? — проквокал Пучеглазый.

— В том-то и дело, что нет, — вздохнул Филин. — Меня полюбила волчица.

— Два сапога пара! Хищники! — пробормотал Кролик, но так неразборчиво, что его не поняли.

— То есть не меня, а мой голос, — уточнил Филин. — Теперь мы поём на пару с волчицей. Наш дуэт зовётся «Ночные Соловьи-Разбойники»

— А что же ваша любимая? — спросила Соня.

— Увы. Пока я работал над голосом, моя любимая вышла замуж. Как мне донесло одно маленькое, хорошо осведомлённое существо, свой брак она считает идеальным. Она и её супруг порознь живут, порознь охотятся, их безразличие друг к другу глубоко и взаимно. А моё сердце разбито. Вот и вся история.

— То есть, как вся? — изумился Лишайник, на которого после Сониного выступления в защиту Рыбы снова стали обращать внимание. — А когда вы будете делиться своим несчастьем?

— Филин уже поделился! — воскликнула Соня. — Вы что, всё прослушали?

— Всё прослушал, но не понял. — Профессор развёл розовыми отростками. — В чём состоит его несчастье?

— В том, что Филин полюбил, а его любимая предпочла ему другого! Что тут непонятного?!

— Всё непонятно! — не успокаивался Лишайник. — Почему он несчастен? Чего прицепился к этой насмешливой сове? В его лесу нет других сов? Жёлудь, вы-то хоть поняли, из-за чего сыр-бор?

Будучи высшим растением и Председателем, Жёлудь опасался столь непосредственно выражать своё недоумение, поэтому высказался аккуратно:

— Как представители растительного мира мы с Профессором далеки от любовных драм птиц и других животных. Я полагаю, что несчастье Филина, как и моё, связано с крушением амбиций. Вместо славы «Ночного Соловья», он получил прозвище «Ночного Разбойника» и вместо сольных выступлений вынужден довольствоваться дуэтом с волчицей.

Филин усмехнулся. Соня покачала головой. Рыба как обычно промолчала. Кролик, затаивший к Филину глубокую личную неприязнь, процедил что-то сквозь два передних зуба, но опять неразборчиво. Зато Пучеглазый посочувствовал:

— Как я понимаю вас, Филин! Моё несчастье сродни вашему, хотя состоит в обратном.

— То есть как сродни в обратном? — спросила Соня.

— Если мне будет дано право слова, я объясню, — скромно ответил Пучеглазый.

— Предлагаю дать Жабе слово, — поторопился исполнить председательскую функцию Жёлудь. — Все за? Единогласно! Делитесь, Жаба!

— Не Жаба, а Жаб. Я — существо мужского пола, как и Филин. Для моей истории это крайне важно. В отличие от существ женского пола, нам необходимо отличаться от других, чтоб не остаться незамеченными. Но Филин имел слишком сильный голос и слишком сильные чувства. Полагаю, это напугало его любимую, и она предпочла другого, попроще. Моё несчастье сродни горю Филина. Я тоже слишком отличаюсь от других.

— А чем вы отличаетесь от других? — любопытствовала Соня. — Громче всех квакаете?

— Нет, — потупился Жаб. — Просто я невероятно красив. Прекрасней болотной кувшинки. Существа женского пола при виде меня сходят с ума.

Соня быстро склонила лицо к Рыбе, чтобы Жаб не увидел слёз, брызнувших из её глаз. Но она тряслась, издавала похрюкивания и постанывала, а слёз было так много, что их заметили все. От обилия Сониных слёз Рыба увлажнилась и начала шустро помахивать хвостиком. Резвость Рыбы тоже заметили все.

— Убедились?! — Жаб указал товарищам по несчастью на девочку и Рыбу. — Среди нас двое существ женского пола, и обе заметно оживились при виде меня. Представляете, какое впечатление я произвожу на существ женского пола в моём болоте?

Собравшиеся не представляли.

— Жабы и лягушки от восхищения теряют сознание, падают с коряг и плавают кверху брюхом. Стоит мне всплыть, как со всех сторон: «Шлёп! Шлёп! Шлёп!» Вот какое впечатление!

Никогда в жизни Соня так не смеялась! От смеха у неё разболелся живот. Рыба тоже развеселилась и стала подскакивать на хвосте. Это окончательно убедило собрание, что существа женского пола от Жаба без ума.

— А серая цапля находит меня даже под утопленной корягой и читает стихи. То есть стих всегда один из трёх строчек. Но моего мозга маловато даже для трёх. Поэтому я запомнил лишь последнюю. «Клювом к тебе прильнуть».

— А вы хорошо запомнили эту строчку? — ехидно поинтересовался Кролик. — Может, она звучала иначе? Например, «Клювом тебя проткнуть»?

— Где здесь ближайший водоём? — спросил Филин, пристально глядя на Кролика. — Кое-кто напрашивается на купание!

Кролик мгновенно прижал уши.

Филин отвернулся от него:

— Так в чём же ваше несчастье, Жаб? Пока, судя по вашему рассказу, вам можно только позавидовать.

— Дело в том, что сердце у меня такое же прекрасное, как глаза, рот и язык. — Жаб выбросил вперёд длинный клейкий язык, чтобы все могли им полюбоваться. — И моё сердце обливается кровью, когда я вижу, как существа женского пола страдают из-за меня.

Соня, не выдержав, схватилась за живот и рухнула на землю. Рыба высоко подпрыгнула, описала в воздухе круг и упала на Соню.

— Я сейчас умру-у-у, — стонала девочка, обнимая Рыбу. — Замолчи-и-те...

Жаб испуганно смолк, а Жёлудь призвал Соню к порядку:

— Не вздумайте умирать, барышня! Вы ещё не поделились своим несчастьем!

Отсмеявшись, Соня сняла с себя Рыбу и села.

— Жаб, вы за пень спрячьтесь, — посоветовал Филин. — А то они снова станут от вас без ума.

— Не прячьтесь, — выдавила Соня, утирая слёзы. — Я больше не могу смеяться.

— Так вы смеялись? — робко спросил Жаб.

Девочка с Рыбой молча кивнули.

— И не страдали? — не мог поверить Пучеглазый.

— Нисколечко! — заверила Соня.

— А над чем вы смеялись? — застенчиво любопытствовал Жаб.

Кролик, забыв о предупреждении Филина, снова принялся за своё:

— Не над чем, а над кем! Вы не догадываетесь, над кем, красавец?

— Не слушайте Кролика, Жаб! — поторопилась объяснить свой смех девочка. — Просто вы так образно рассказывали о своём несчастье... Я очень живо представила, как вы всплываете из-под коряги, а со всех сторон: «Шлёп! Шлёп! Шлёп!»

В животе у Сони зародился новый приступ смеха и, чтобы не дать ему овладеть собой, она переключилась на Кролика.

— Почему вы всех обижаете? Ни для кого у вас не находится доброго слова!

Кролик аж подпрыгнул:

— Доброго слова?! Для этих хищников?! Да вы оглянитесь! Повсюду враги! Чем питается Филин? Кроликами! А Жаб и Рыба? Насекомыми и червями! А вы что едите, барышня?

— Кашу, салат, суп, — ответила Соня. — Но больше всего я люблю мороженое.

— Мороженое мясо?

— Мороженое из молока.

— И ни разу не пробовали мясо?

Сегодня на ужин Соня ела куриные котлетки с брокколи и морковью. Заметив её замешательство, Кролик воскликнул:

— Вы пробовали мясо! Хищница!

На помощь растерявшейся девочке пришёл Желудь:

— А вы, Кролик, глодали дубовые побеги и обрекали их на гибель!

— Но я грызун, мне надо что-то есть!

— Всем надо что-то есть! Вы лично грызли моих старших братьев, а барышня ни один молодой дубок не тронула! Передаю слово ей. Кто за?

Собрание единодушно согласилось с предложением Председателя. Кролик презрительно повернулся ко всем спиной. Однако никто не заметил его презрения, потому что все смотрели на Соню.

— Мне было очень интересно на вашем собрании! Я не знала, что лишайники такие старые, и что каждый жёлудь рождается с великой мечтой. Рыба очень смелая, потому что решилась прийти к вам. Я на её месте испугалась бы. Филин — необыкновенный, в этом я с Жабом согласна. А Жаб очень милый. Моя бабушка говорит, что доброе сердце важнее красоты. Может, Жаб не прекрасней болотной кувшинки, но сердце у него доброе. Ну, а Кролик... — Соня немного подумала и закончила: — Кролик послужил мне примером.

— Нет-нет, барышня, не берите с него пример, — заволновался Жёлудь.

Кролик наострил уши и полуобернувшись скосился на девочку.

— Кролик помог мне понять важную вещь, — пояснила Соня.

— Какую важную вещь?

— Тот, кто во всех видит врагов, превращается в ужасно противное существо.

— Верно подмечено! — вполголоса рассмеялся Филин. — В такое противное существо, что хочется вонзить когти, клонуть между ушей...

— Не пугайте его, — вступился Жаб. — Он и так запуганный. Даже нас с Рыбой в хищники записал, хотя у жаб и зубов-то нет.

— А то вы не хищник! — огрызнулся Кролик. — Зачем же вам пасть во всю морду и липкий длинный язык?

Устало махнув на него крылом, Филин обратился к Соне:

— Мы ждём истории о вашем несчастье, барышня.

— Мне нечего сказать. У меня нет истории.

— У каждого несчастья есть история, — возразил долго молчавший Лишайник.

— У меня и несчастья нет, — призналась Соня.

— Бедная барышня, — покачал отростками Профессор, понимавший всё буквально. — Ничего у неё нет!

Жёлудь относился к высшим растениям и смекнул, что отсутствие чего-то не всегда означает бедность. Например, если отсутствует несчастье, это значит...

— Вы, что же, счастливы? — недоверчиво спросил он Соню.

Девочка задумалась. Она думала так долго, что крепко уснула.

А, когда проснулась, стояло яркое солнечное утро. Соня вспоминала сон о товарищах по несчастью и улыбалась. Ей в их кругу не место, потому что чувствовала себя она вполне счастливой!